

Юлия Евгеньевна Павельева
ГБУК г. Москвы «Дом русского зарубежья
имени А. Солженицына», Москва

ГОЛОС АВТОРА В ОДНОСУТОЧНОЙ ПОВЕСТИ
А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «АДЛИГ ШВЕНКИТТЕН»

Аннотация. Многие произведения Александра Солженицына имеют автобиографическую основу. Сюжет военной повести «Адлиг Швенкиттен» основан на событиях, непосредственным участником которых был сам писатель. Весьма показателен заголовочный комплекс «Односуточной повести», задающий пространственно-временные координаты. Хронотоп наряду со структурой субъектов повествования рассматривается в статье как основная характеристика художественной специфики повести. При этом первостепенной видится роль автора как носителя творческой целостности произведения. Эстетическое преобразование пережитого становится знаковым явлением в литературе, когда за обычными деталями выступает целая художественная вселенная, связанная, по мысли Солженицына, «с первоосновами человеческого бытия».

Ключевые слова: Александр Солженицын, военная проза, сюжетная специфика, субъекты повествования.

Abstract. Many works of Alexander Solzhenitsyn have an autobiographical basis. The plot of the military story "Adlig Schwenkitten" is based on events in which the writer himself was a direct participant. "One-Day Story" has a very characteristic heading complex that sets spatio-temporal coordinates. The chronotope, along with the structure of the subjects of the narration, is considered in the article as the main characteristic of the artistic specificity of the story. At the same time, the role of the author as the bearer of the creative integrity of the work is seen as paramount. The aesthetic transformation of the experienced becomes a landmark phenomenon in literature, when a whole artistic universe stands behind the usual details, connected, according to Solzhenitsyn, "with the fundamental principles of human existence".

Keywords: Alexander Solzhenitsyn, military prose, plot specificity, subjects of narration.

Основатель современной научной школы А. А. Гугнин, характеризуя историко-контекстуальный метод изучения литературы, задавался рядом вопросов, связанных с поиском истины: «Если высшей целью и высшим смыслом науки

является поиск Истины, то как же может быть наука оторвана от личности ученого, который эту Истину ищет? Ведь ученый ищет Истину не как механический робот, а как живая личность, изначально наделенная огромным набором присущих человеческому роду качеств, – от первобытных инстинктов до высоких понятий о совести и нравственности» [1, с. 119]. Это высказывание сторонника «жизненного литературоведения» может быть экстраполировано на поиск не только научной истины, но и истины художественной, где вопрос о значении личности писателя, создателя художественного мира, вопреки постмодернистскому утверждению о «смерти автора» и «смерти героя», представляется актуальным. В одном из самых своих известных трудов А. А. Гугнин утверждал: «Писатель "синтезирует" две реальности: реальность объективного мира и реальность собственного восприятия этого объективного мира» [2, с. 3]. Именно контекст данного высказывания стал побудительным моментом обращения к проблеме, вынесенной в заглавие данной статьи.

В творческом наследии А. И. Солженицына художественная проза о Великой Отечественной войне, как заметил американский славист А. Климов, по количественному показателю занимает небольшое место, но в качественном отношении весьма значительна [3, с. 3]. Повесть «Адлиг Швенкиттен» критики не раз называли одним из лучших произведений Солженицына, написанных в 90-е годы ушедшего века. Ю. М. Кублановский писал: «Маленькая повесть "Адлиг Швенкиттен" – о боях в Восточной Пруссии в январе 1945-го – настоящий шедевр позднего Солженицына, где его литературное мастерство достигло предельной концентрации» [4, с. 516].

Жанровая специфика повести стала предметом изучения польской исследовательницы М. Сидор, которая отметила, что Солженицын «...удивительно внимателен к самым новым художественным течениям, чувствителен к малейшим нюансам эстетической сферы» [5, с. 124]. Особое внимание при этом литературовед уделила хронотопическим моментам. Чтобы представить художественную специфику повести к этим наблюдениям следует добавить вопрос о важности многоуровневой структуры субъектов повествования, в которой присутствует не только прямая речь героев повести, звучит голос повествователя, но и отчетливо представлен автор-творец в том понимании, которое определил М. М. Бахтин, назвав автора носителем «напряженно-активного единства целого, целого героя и целого произведения, трансгредиентного каждому отдельному моменту его» [6, с. 16].

Термин «хронотоп», также введенный М. М. Бахтиным [7, с. 5–25; 121–290], определяется как один из важнейших компонентов художественного произведения, характеризующий особенности сюжета и жанра. Именно время и пространство высвечивают, с нашей точки зрения, *авторскую* специфику военной повести Солженицына. «Адлиг Швенкиттен» имеет весьма характерный подзаголовок:

«Односуточная повесть» [8, с. 485], что определяет временной отрезок произведения, на это указал комментатор повести – В. В. Радзишевский: «В повести “Адлиг Швенкиттен” 24 главки – по количеству часов в сутках» [9, с. 656]. Главки пронумерованы и дополнены непронумерованным эпилогом, где повествуется о событиях, не вмещенных в рамки одних суток. Действие повести ограничено, с одной стороны, утром 26-го января и длится, соответственно, до утра 27-го, а эпилог расширяет временные границы: речь идет о вечере 25-го января, когда Восточная Пруссия оказывается отрезанной от Германии (что упомянуто и в начале повести) до 2-го февраля 1945 года: «2 февраля мы снова отбили и Либштадт, и восточнее, и разведка пушечной бригады вошла в Адлиг Швенкиттен» [8, с. 527], – и далее – до марта: «Спустя многие дни, уже в марте, подали наградную и на майора Боева – Отечественной войны 1-й степени. Удовлетворили» [8, с. 527], и еще дальше – до послевоенного времени: «Тоже и командир стрелковой дивизии в своих послевоенных мемуарах – однодневного комполка майора Балужева не упомянул.

Провалился, как не был» [8, с. 528].

Пространственные координаты в повести также четко определены: это узкая локальная зона вокруг одноименной местности в Восточной Пруссии, куда делается переброска войск тяжелой артиллерии без поддержки пехоты и в отрыве от далеко отставшего тыла. Однако по ходу повести – в воспоминаниях самих героев и в их довоенных историях – пространство раздвигает свои границы.

Рассматривая проблему хронотопа в малой прозе Солженицына, Я. Бай и Н. В. Сорокина сделали важное замечание: «ведущее значение в организации пространственно-временных отношений в малой прозе А. И. Солженицына приобретает детальное изображение ограниченного периода в судьбе героя, который, однако, становится целостным отражением всей жизни не только одного человека» [10, с. 24].

Время в «Адлиг Швенкиттен» имеет специфические черты, характерные для поэтики малой прозы Солженицына: оно то ускоряется по ходу развития действия, то, наоборот, замедляется, когда автор погружает читателя в воспоминания героев повести и раскрывает детали их внутреннего мира.

Вот, например, целиком заполнившие 8-ю главку неторопливые и горькие воспоминания и рассуждения Павла Петровича Кандалинцева, объясняющие омертвление его чувств, когда и на войне «...не бывает такого угнетённого сердца, как тихому интеллигенту работать в разоряемой деревне девятьсот тридцатого – тридцать первого года. Когда бушует вокруг злобно рассчитанная чума, видишь глаза гибнущих, слышишь бабий вой и детский плач – а сам как будто от этой чумы остережён, но и помочь никому не смеешь.

Так досталось Павлу Петровичу сразу после института, молоденькому агроному, принявшему овощную селекционную станцию в Воронежской области.

Берёг ростки оранжерейной рассады, когда рядом ростки человеческие и двух лет, и трёх месяцев отправляли в лютый мороз санями – в дальний путь, умирать. Видишься и сам себе душителем... От тех месяцев-лет стал Павел Петрович всё окружающее воспринимать как-то не вполноту, недостоверно, будто омертвели кончики всех нервов, будто попригасли и зрение его, и смех, и обоняние, и осязание – и уже навсегда, без возврата...» [8, с. 500–501].

Эти воспоминания раздвигают временные и пространственные границы произведения: знаковыми отметинами входят в повесть 30-е годы XX века, а пространственные координаты, уводят читателя от мест военных действий вглубь России, расширяясь от хлебного Черноземья до не названных прямо, но ясно прозреваемых, гибельных северных областей. И эти точки – уже символы истории поколений. Также символичны временные и географические отметины в воспоминаниях Павла Афанасьевича Боева (6-я главка): Гражданская война, ишимское восстание, Хасан, финская война – в повести это знаки исторического времени, а география здесь еще более расширена – вплоть до самых восточных областей страны: Южная Сибирь и Петропавловск.

Но для солженицынской поэтики характерно не только расширение географических горизонтов или временных отрезков, но и их предельная концентрация, «сжатие». И вот в 22-й – 23-й главках время буквально проскочило, как только «из смутного ночного брезга, из полного беззвучья – грянуло на 5-ю батарею сразу от леса справа...» [8, с. 522]. И воспоминания о недавнем другом героя повести, Жени Топлева, не замедляют, а как будто подгоняют время в бою: «Уже гранат на батарее не метали. Достреливал кто-то кого-то.

Бежали сюда, на пожар, пули просвистывали рядом, цель видна.

И Топлев – побежал со своими штабными солдатами.

Бежал – зная только направление верное, а весь смысл – потерял.

Кто-то ещё сбоку бежал, с батареей, не видно.

В голове проносилось: детство, школа – да с какой плотностью, да всё сразу» [8, с. 523].

Здесь скорость времени подчеркнута еще и визуально, графическим членением текста: буквально каждое предложение начинается с новой строки.

Эта плотность боевого времени возникает и в разговоре других героев повести: «Кандалинцев и Гусев потом только вместе, помогая друг другу, – могли и не могли вспомнить, как же оно точно было? Что после чего? И чья именно пушка попала в первый танк? и в третий? и отчего горел бронетранспортер?» [8, с. 523].

Наконец, еще одно свидетельство Гусева как бы подводит итог временной концентрированности: «Не поверил Олег, глянувши на часы: куда три часа ушло? Как они сжались, проскочили? Будто канули в бою.

Уже и светало» [8, с. 525].

Анализируя односуточную повесть, М. Сидор указывает на то, что «с ее первых строк видна динамика войны», при этом исследовательница отмечает, что «военная жизнь отображается здесь... до мельчайших подробностей: с точными определениями позиций и передвижений войск, топографическими деталями и техническими комментариями, понятными лишь знатокам военного дела. Сразу Солженицын вводит читателя в конкретное историческое время и дает информацию, позволяющую определить роль повествователя – *неизвестного* свидетеля, который *не проявляет* [курсив в обоих случаях мой. – Ю. П.] своей точки зрения и время от времени способен проникать в мысли персонажей» [5, с. 126].

И если первая часть утверждения не вызывает сомнений, то вторая, где речь идет о роли рассказчика, во многом транслирующего точку зрения автора, требует уточнений. По мнению Н. Д. Тмарченко, повествователь – «основной и относительно наиболее близкий *автору субъект речи* и носитель *точки зрения* в литературном произведении...», который «по своему *кругозору* близок автору-творцу» [11, с. 167]. В этом случае нам представляется актуальным обращение к мысли М. М. Бахтина о важности «добраться, углубиться до творческого ядра личности» создателя художественного произведения [6, с. 392].

Многие произведения Солженицына имеют автобиографическую основу. И в повести «Адлиг Швенкиттен» даже можно найти персонажа, прототипом которого является сам автор. В комментариях об этом писал В. В. Радзишевский. Обратившись к фрагменту произведения: «Вошёл, в офицерской ладной шинели, – командир звукобатареи, оперативно подчинённый Боеву. Давний приятель, ещё из-под Орла, математик» [8, с. 496], – комментатор отметил: «В рассказе "Желябугские Выселки" Боев называет его Сашей... В главе 3-й повести ["Адлиг Швенкиттен" – Ю. П.] это "комдив инструментальной разведки в длинной шинели"...» И комментатор делает однозначный вывод: «Литературный двойник автора» [9, с. 656]. Возможно, такая оценка слишком прямолинейна, но, во всяком случае, говорить, что речь идет о «*неизвестном* свидетеле», тоже нельзя.

То, что у литературных героев Солженицына вообще легко могут быть найдены прототипы, отмечали разные исследователи. Так, Я. Бай и Н. В. Сорокина выводят некую творческую формулу: «Писатель поместил героев, многие из которых имели реальных прототипов, в определенные исторические условия, обрисовал их поведение и образ жизни» [10, с. 24].

О документальной основе военных произведений Солженицына писал В. А. Мазаев, основываясь на собственных архивных изысканиях: «Оперативные документы: боевые донесения, журналы боевых действий и схемы боевых порядков вышеуказанных частей дают представление о фактической стороне событий, описанных в таких военных произведениях А. И. Солженицына, как "Желябугские Выселки" и "Адлиг Швенкиттен"» [12, с. 120]. Архивные материалы подтверждают ценность фактологической основы солженицынских произведений, хотя, безусловно,

необходимо помнить о художественном преобразении документального материала, что, собственно, и переводит его в сферу литературы.

Конечно, эпическая традиция повествования, казалось бы отодвигает автора в тень, заставляя приглушить субъективную оценку, заслонив ее объективностью повествования. Можно обратиться к самым истокам эпоса – поэмам Гомера, принципы стиля которого были проанализированы А. Ф. Лосевым. В ставшем классикой литературоведения труде известный философ писал: «Повествовательный род поэзии характеризуется той основной позицией поэта, в силу которой он направляет свое внимание на изображение фактов и событий так, как будто бы сам поэт был здесь ни при чем и как будто бы его собственная внутренняя жизнь была ему совершенно неинтересна» [13, с. 124], но уже на примере гомеровских поэм А. Ф. Лосев утверждает, что «исключение собственных интересов поэта является фиктивным, так как объективность и повествовательность тоже есть определенная позиция творческой личности и, следовательно, в той или иной мере выражает его субъективное настроение» [13, с. 124].

Сам отбор эпизодов, их художественное построение, включение в повесть внесюжетных элементов, прежде всего, воспоминаний и даже снов героев формирует эмоционально-субъективный фон произведения, где авторское начало проступает весьма отчетливо.

В ранней поэме Солженицына «Дороженька» будущий нобелевский лауреат писал:

Я ношу в себе заряд историка
И обязанности очевидца... [14, с. 77].

И структура субъектов повествования повести «Адлиг Швенкиттен» дает возможность реализоваться эти двум функциям. Свидетель (и он же летописец) военной правды, которая не всегда бывает благообразна и привлекательна, если и не дает прямых оценок, то свою позицию ясно выражает благодаря четко выверенным художественным особенностям произведения. Начиная с посвящения:

*«Памяти майоров
Павла Афанасьевича Боева
и Владимира Кондратьевича Балужева» [8, с. 487]*

– и заканчивая финальными строками эпилога авторская позиция не вызывает сомнений. Ю. М. Кублановский, определяя сюжет «Адлиг Швенкиттен», сказал об отдании на *заклание* лучших – бессмысленной гибели «множества лучших солдат и офицеров, сформировавшихся именно в годы войны во всей своей внутренней мужественной самостоятельности...» [4, с. 516].

В эпилоге время не просто замедляется, а словно застывает в морозной омертвелости. Никакие награды не вернут погибших бойцов, и вычеркнутые из наградного листа фамилии представителей бригадной верхушки являются будто немым

свидетелем погружения в бесконечность, но эта немота нарушается наложенной резолюцией: «Начальник артиллерии армии, высокий, худощавый, жёсткий генерал-лейтенант, прекрасно сознавал и свою опрометчивость, что разрешил так рано развёртывание в оперативной пустоте ничем не защищенной тяжёлой пушечной бригады. Но тут – его взорвало. Жирным косым крестом он зачеркнул всю бригадную верхушку во главе списка – и приписал матерную резолюцию» [8, с. 527].

По нашему мнению, голос автора звучит совершенно отчетливо, и его позиция представляется вполне определенной.

Январская ночь под Адлигом оставила в памяти Солженицына неизгладимый след, о чем он писал в «Очерках изгнания» – 1-й части «Угодило зернышко промеж двух жерновов», произведении совсем иной, нежели повесть, жанровой специфики: «А ночь была – незабываемая, она и сейчас стоит как живая. И сколько раз я порывался её описать: сперва, ещё в лагере, четырёхстопным хореем, продолжением "Прусских ночей", и уже написал кое-что, но не сохранил, и из памяти стёрлось. И потом – в ссылке начинал, в прозе, но другие сюжеты выдвигались важнее, так никогда и не собрался. А всё особое чувство, какое к Восточной Пруссии возникло, – улилось в "Август" ["Август Четырнадцатого", I Узел эпопеи Солженицына «Красное Колесо» – Ю.П.]. И осталась та ночь только в прорезанной памяти» [15, с. 122]. И вот в самом конце XX века Солженицын смог осуществить свой замысел: представить художественное переосмысление той «незабываемой» ночи под Адлигом.

«Особое» чувство, о котором говорил писатель в «Очерках изгнания», в приведенном отрывке дважды описано предельно открыто: замыкая эвакуационную колонну, Солженицын определяет «главное ощущение той ночи: своего пребывания на земле, а совсем не привязанности к ней, лёгкое тело, одолженное нам лишь временно, и осветлённая прогулка по призрачным местам, куда нас заносит случай, а всякую минуту вот мы готовы и отлететь» [15, 123]. А в финале этого отрывка, где речь идет уже о нахождении под обстрелом, мемуарист вновь отмечает: «...но опять было то же ощущение: одолженного, временного, не обязательного тела, и острота чувств, которая не страх, но та нерядовая острота, когда глотаешь опасность – а в мыслях проносятся, проносятся разные картины прожитой жизни» [15, с. 124].

Благодаря этому незабытому ощущению, зафиксированному в «Очерках изгнания», можно говорить и о лирическом начале, активно проникающем в повесть «Адлиг Швенкиттен». Показателен в этом отношении финал 16-й главки, когда майор Балув – один из двух героев, упомянутых в посвящении, – вспоминает свой сон: «Володина мать умерла молодой, такой молодой! И Володе, вот, 28 – а уж много лет снится ему, ненаглядная. Несчастливая была – а снится всегда весёлой. Но никогда не близко: вот только что была здесь – вышла; вот сейчас придёт; спит в соседней комнате; да вот проходит мимо, кивает, улыбается. И – никогда ближе.

Но от каких-то примеров, сравнений или чьих рассказов сложилось у Балужева: когда придёт время умирать – мама подойдёт вплотную и обнимет.

И минувшей ночью так и приснилась: мама дышала прямо в лицо да так крепко обняла – откуда у неё силы?

И так было тепло, радостно во сне. А проснулся – вспомнил примету...» [8, с. 513].

Лиризм данного отрывка, когда герой испытывает теплоту радости накануне своей гибели, выводит военную повесть Солженицына уже на уровень лирико-философского обобщения, но при этом его талант художника – «достойного свидетеля времени» (по определению О. А. Седковой [16, с. 323]), позволяет писателю исполнить свою высокую и трудную миссию «историка и очевидца».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гугнин, А. А. Научная школа «Историко-контекстуальный метод в изучении мировой литературы» / А. А. Гугнин // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2018. – № 2. – С. 117–119.
2. Гугнин, А. А. Серболужицкая литература XX века в славяно-германском контексте / А. А. Гугнин / Отв. ред. В.А. Хорев. – М.: Индрик, 2001. – 179 с.
3. Климов, А. Заметки о двучастном рассказе «Желябугские Выселки» / А. Климов // Малые жанровые формы в творчестве А. Солженицына: художественный мир. Поэтика. Культурный контекст. – Выпуск 5 / Ред. А. В. Урманов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. С. 3–10.
4. Кублановский, Ю. Проза зримая, слышимая, обоняемая... Опыт прочтения военных рассказов Александра Солженицына / Ю. Кублановский // Между двумя юбилеями: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А. И. Солженицына. – М.: Русский путь, 2005. – С. 514–518.
5. Сидор, М. «Адлиг Швенкиттен» Александра Солженицына в контексте поисков жанра / М. Сидор // Пушкинские чтения. – 2012. – № XVII. – С. 124–130.
6. Бахтин, М. Эстетика словесного творчества / М. Бахтин / Сост. С. Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
7. Бахтин, М. Литературно-критические статьи / М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1986. – 541 с.
8. Солженицын, А. Адлиг Швенкиттен / Солженицын А. Собр. соч. в 30 тт. – Т. 1. Рассказы и крохотки. – М.: Время, 2006. – С. 485–528.
9. Радзишевский, В. В. Комментарии / В. В. Радзишевский // Солженицын А. Собрание сочинений в тридцати томах. – Т. 1. – М.: Время, 2006. – С. 655–659.
10. Бай, Я. Пространственно-временные координаты событий в малой прозе А. И. Солженицына / Я. Бай, Н. В. Сорокина // Вестник Томского государственного университета. Филологические науки и культурология. Языкознание. – 2015. – Выпуск 1. – С. 20–25.
11. Тамарченко, Н. Д. Повествователь / Н.Д. Тамарченко // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 167–169.

12. Мазаев, В. А. Солженицын на войне: новые документы и факты / В.А. Мазаев // Александр Солженицын: взгляд из XXI века: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения. Москва, 10–12 декабря 2018 г. / Сост. Л. И. Сараскина. – М.: Русский путь, 2019. – С. 120–134.
13. Лосев, А. Ф. Гомер / А.Ф. Лосев. – М.: Учпедгиз, 1960. – 350 с.
14. Солженицын, А. Дороженька / Солженицын А. Собр. соч. в 30 тт. Раннее. М.: Время, 2016. – Т. 18. – С. 9–212.
15. Солженицын, А. Угодило зернышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Часть первая (1974–1978) / А. Солженицын // Новый мир, 1999. – № 2 (886). – С. 67–140.
16. Седакова, О. Маленький шедевр: «Случай на станции Кочетовка» / О. Седакова // Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики и литературоведы о творчестве А. И. Солженицына. – М.: Русский путь, 2005. – С. 322–331.